

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Перова Светлана Вячеславовна

преподаватель

Белорусский государственный университет

г. Минск, Республика Беларусь

ОТРАЖЕНИЕ ОБРАЗНОСТИ ЗООЛЕКСЕМ В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация: данная статья посвящена актуальной проблеме отражения образности зоолексем английского и русского языков в языковой картине мира. Автор опирается на работы А.А Киприяновой, В.Н Комиссарова и В.И. Жельвица, и делает вывод о происхождении паремии с зооморфизмами, бытующих в настоящее время в сознании народов мира.

Ключевые слова: паремия, зооморфизм, зоолексема, паремиологическая среда, tertium comparationis, английский язык, русский язык, пословицы, поговорки, знак, образ.

Пословицы и поговорки различных народов всегда интересовали лингвистов как многомерное явление, способное покрывать участки объективной действительности, связанные с характеристикой социальных и психологических особенностей человеческой личности. Поэтому учёные-языковеды, такие как З.К. Тарланов, М.Ю. Котова, занимающиеся исследованием данной темы, в своих работах не раз обращали внимание на строение паремии и роль метафор, которые основанные на установлении подобия между представителями разных классов (человек–животное) и привносящих таким образом в высказывание элемент образности. «Степень образности у зооморфизмов может быть различной, – пишет Рубанова Е.В. – У одних зооморфизмов связь между прямым и переносным значением обладает большей степенью прочности и яркости, у других – меньшей» [8, с. 15].

Знак и образ отличаются по признаку наличия либо отсутствия подобия с объектом. Знак произволен, что элементарно доказывается существованием различных слов для именования одного и того же предмета в разных языках. Образ изоморфен, сходен с изображаемым им предметом. Сами языковые единицы – слова, словосочетания – образностью не обладают. Их отношение к явлениям объективной действительности носит знаковый характер. Образными могут быть индивидуальные, невоспроизводимые выражения, адекватно отражающие объект. Например, слово заяц не обладает образностью само по себе. Но это же слово, произнесённое в конкретных обстоятельствах, может создать образ. Называя зайцем трусливого человека, мы уже не просто имеем дело со словесным знаком. Говоря: *Заяц!*, – мы в свёрнутой и образной форме выражаем суждение (этот человек труслив; заяц труслив, следовательно, этот человек подобен зайцу). «Образ – это категория сознания, а не действительности. Образы погружаются в сознании в принципиально иную сеть отношений сравнительно с той, которая определяет место их оригиналов (прообразов) в реальном мире. Сознание разворачивает для них новый контекст, в котором особую роль приобретают реорганизующие картину мира ассоциативные отношения. Показательно, что с именем образ сочетаются преимущественно имена эмоционально-оценочного значения» [1, с. 449].

Образность зоолексем английского и русского языка, и их отражение в языковой картине мира можно проследить, по словам А.А Киприяновой, путём сопоставления национально-культурных особенностей характеристики мужчины и женщины в паремиологической среде. На примере положительных или отрицательных качеств, например: русс. «тигрица» –женщина, способная на всё ради детей», англ. «tigress» «свирепая женщина» (особенно яро защищающая своих детей); «tiger» «опасный противник». Так чаще всего мужскую храбрость, силу, выносливость ассоциируют со львом, орлом, быком; женскую домовитость с курицей, кукушкой; хитрого человека люди отождествляют с лисой, а трусливого с зайцем и т. д. [4, с.20].

Говоря об образных паремиях как национально-окрашенной единице, мы должны упомянуть классификацию В.Н Комиссарова, который выделял три основных типа соответствий образным фразеологическим единицам оригинала.

В первом типе соответствий сохраняется весь комплекс значений переводимой единицы. В этом случае в ПЯ имеется образный фразеологизм, совпадающий с фразеологической единицей оригинала как по прямому, так и по переносному значению. Например: the game is not worth the candles «игра не стоит свеч», to play into somebody's hands «играть кому-то на руку».

Во втором типе соответствий одинаковый переносный смысл передается в ПЯ с помощью иного образа при сохранении всех прочих компонентов семантики фразеологизма (частично-лексический эквивалент по терминологии А.В. Кунина): the black sheep – «паршивая овца»; to flog a dead horse – «тянуть кота за хвост»; as flies to sugar – «как мухи на мед».

Третий тип соответствий создается путем калькирования иноязычной образной единицы: sell the bear's skin before one has caught the bear – «делить шкуру неубитого медведя»; if you run after two hares you'll catch neither – «за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь». Иногда приходится вообще отказаться от применения фразеологического соответствия и довольствоваться описанием основного (переносного) смысла переводимого сочетания: to be on high horse – «высокомерно держаться»; to have butterflies in stomach – «нервничать от страха»; start a hare – «отвлекать говорящего от темы разговора»; to have a frog in one's throat – «охрипнуть».

На основе классификации Комиссарова, мы можем представить следующую схему:

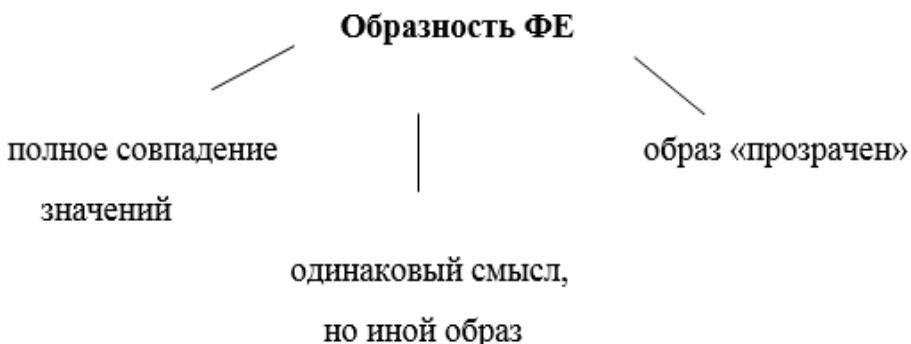


Рис. 1. Образность ФЕ

Итак, на протяжении столетий в сознании людей формируется отдельное представление об образах животных, которые в дальнейшем проецируются на человека, в соответствии с его поведением, личностными качествами, родом деятельности, внутренним духовным миром или внешним видом. Очевидно, пишет В.И. Жельвис, что «приписывание человеку сем животного отражает некоторые общие тенденции переноса значения, а именно выделение человеческим сознанием одного свойства окружающих предметов, которое кажется определяющим. Именно определяющий характер этого свойства приводит порой к восприятию самого предмета лишь как символа данного свойства. Соответственно слово, называющее предмет, начинает обозначать не столько этот предмет, сколько это самое свойство» [2, с. 228]. Именно так происходит метафорический перенос зоолексем, названия животного на человека. Наименование животного приобретает атрибутивную ценность: человек, названный в русской традиции «голубокой» – ласковый, приятный, милый; названный «вороной» – рассеянный и бесполковый. Принцип, который используется при таких метафорических переносах свойств «называется tertium comparationis» [2, с. 229].

Таким образом, паремии с зооморфизмами, сохранившиеся в сознании разных народов, берут свои истоки не только из наблюдений из жизни и быта самих носителей культуры, но и из различных литературных источников, которые впоследствии закрепили определённую символику в отношениях «человек–животное».

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – 895 с.
2. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В.И. Жельвис. – М.: Ладомир, 1997. – 330 с.
3. Зимин В.И. Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь / В.И. Зимин, А.С. Спирина. – 3-е изд. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 544 с.
4. Киприянова А.А. Функциональные особенности зооморфизмов: на материале фразеологии и паремиологии рус., англ., фр., и новогр.: автореф. дис. на соиск. учён. степени канд. филол. наук: 10.02.19; 10.02.01 / А.А. Киприянова; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 1999. – 23 с.
5. Коллинз В.Х. Книга английских идиом / В.Х. Коллинз. – Л.: Учпедгиз, 1960. – 258 с.
6. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода: проблемы переводоведения в освещении зарубеж. учёных: учебн. Пособие / В.Н. Комиссаров. – Моск. гос. лингвист. ун-т. – М.: ЧеРо, 1999. – 132 с.
7. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 215 с.
8. Рубанова Е.В. Зоометафора в сленге: монография/ Е.В. Рубанова. – Могилёв: УО МГУ им. А.А. Кулешова, 2009. – 154 с.